

К ВОПРОСУ О НОРМИРОВАННОСТИ ЮГО-ЗАПАДНОРУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА XVI—XVII ВВ.

(на материале употребления глагольных форм в „Казань
св. Кирилла“ 1596 г.)

Е. А. Ц Е Л У Н О В А

В XVI в. в Юго-Западной Руси в функции литературного языка наряду с церковнославянским языком начинает использоваться так называемая „руска“, или „проста“, „мова“, которая в отличие от церковнославянского языка обнаруживает разговорный субстрат. То, что „проста мова“ обладала таким признаком литературного языка, как определенная искусственность, предусматривающая необходимость специального изучения этого языка, было обосновано Б. А. Успенским [Успенский, 1983, с. 66–70; Карский, 1962, с. 258]. Черты, сближающие „просту мову“ с церковнославянским и польским языками, а также с живой белорусской и украинской речью, были отмечены Е. Ф. Карским [Карский, 1921] и П. Житецким [Житецкий, 1889]. Однако что касается еще одного признака литературного языка — его н о р м и р о в а н н о с т и, то наличие этого признака у „простой мовы“ исследователями как бы не учитывается, а лишь отмечается, что данный язык тяготел в одних случаях более к церковнославянскому языку, в других — к польскому [Карский, 1962, с. 331; Толстой, 1963, с. 252]. Предполагается также, что в отличие от церковнославянского языка „проста мова“ может быть описана не как система правил, а как система запретов [Успенский, 1983, с. 70]. Затруднения в признании наличия у „простой мовы“ признака нормированности вызваны рядом причин. Во-первых, нормированность литературного языка предполагает его к о д и ф и ц и р о в а н н о с т ь в грамматических руководствах, либо — как это было с церковнославянским языком до XVI в. — существование большой письменной традиции, обуславливающей эксплицитное усвоение норм литературного языка. У „простой мовы“ по существу не было ни того, ни другого¹. Во-вторых, сомнения в нор-

¹ Принято считать, что существует грамматика „простой мовы“ — это „Грамматика словенская“ Иованна Ужевича 1643 г. То обстоятельство, однако, что эта грамматика была рукописной (она сохранилась в двух списках) [Ужевич, 1970] и была написана во Франции, не способствовало тому, чтобы она могла сыграть положительную роль в деле кодификации „простой мовы“. Не было у „простой мовы“ и большой письменной традиции, поскольку рукописные тексты с большим количеством особенностей разговорного языка (в фонетике, грамматике, лексике) начали появляться в Юго-Западной Руси лишь в конце XV в.

мированности „простой мовы“ вызваны недостаточной изученностью текстов на этом языке и, как это ни кажется парадоксальным, нежеланием исследователей попытаться выявить какую-либо грамматическую норму. Существующие исследования текстов на „простой мове“ охватывают, как правило, сразу несколько памятников, а характеристики отдельных грамматических явлений сопровождаются ремарками типа: „часто встречаются“, „массово употребляются“, „наряду с ... часто употребляются ...“ и под. Тем не менее очевидно, что с целью выявления характерных признаков „простой мовы“ (т. е. ее своеобразной н о р м ы) необходимо прежде всего определить те грамматические формы, р е г у л я р н о с т ь употребления которых разными западнорусскими авторами позволяет отнести их к числу р е л е в а н т н ы х (с точки зрения самих авторов) признаков этого языка, придерживаться которых необходимо для осознания принадлежности порождаемого ими текста к „простой мове“. Строгое отделение регулярных, т. е. нормативных грамматических форм от нерегулярных, т. е. окказиональных форм в языке конкретного памятника, позволит избежать некоторых противоречий в отнесении исследователями языка одного и того же памятника к разным „вариантам“ „простой мовы“².

Как уже отмечалось, существует мнение, что „проста мова“ представлена двумя вариантами: „ожнорусским“, тяготевшим к церковнославянскому языку, и „западнорусским“, тяготевшим к польскому языку. По свидетельству Н. И. Толстого, основным материалом „простой мовы“ является „народная диалектная речь, однако она фиксируется не в чистом виде, а сильно препарированная для нужд литературного языка, часто с меньшим или большим числом церковнославянизмов или полонизмов“ [Толстой, 1963, с. 353–354].

Итак, „западнорусский“ вариант „простой мовы“, по наблюдениям исследователей, характеризуется большой степенью полонизации; в предельном случае тексты на „простой мове“ могут приближаться к кириллической транслитерации польского текста [Соболевский, 1980, с. 65]. К таким предельным случаям относятся прежде всего те тексты на „простой мове“, которые были переведены с польского языка. Одним из таких переводов является книга Стефана Зизания „Казанье св. Кирилла“, изданная в Вильне в 1596 г. сразу на двух языках – „русском“ и польском. Последнее обстоятельство относит эту книгу к числу уникальных памятников западнорусской литературы, поскольку издание параллельных текстов на польском и „русском“ языках – явление весьма редкое³.

Предпринятое Стефаном Зизанием издание „Казанья св. Кирилла“

²Так, напр., „проста мова“ Евангелия В. Тяпинского, по мнению Н. И. Толстого, тяготела к „древнеславянскому“ языку [Толстой, 1963, с. 252], а по мнению А. И. Соболевского – церковнославянский элемент в ней „вопне отсутствует“ [Соболевский, 1980, с. 68]. Очевидно, церковнославянские формы в „русском“ языке этого Евангелия присутствуют; исследователя же нужно определить, являются они регулярными или случайными.

параллельно на польском языке и „простой мове“ имеет, безусловно, конфессиональные причины, поскольку основным содержанием „Казанья“ является разоблачение папства и униатов, а основным адресатом — „заблудшие“ православные и католики. Тем не менее „Казанье“ представляет большой интерес для лингвистов, поскольку дает возможность проследить механизм лингвистической трансформации текста — его перевода с польского языка на „простую мову“⁴. Иначе говоря, лингвист имеет возможность выявить имплицитно содержащиеся в тексте языковые установки переводчика, в том числе — по отношению к польскому языку.

Объектом наших наблюдений являются глагольные формы в „Казаньи св. Кирилла“, при этом мы ставим перед собой следующие задачи: во-первых, определить регулярные и нерегулярные глагольные формы (первые будем считать нормативными для языка „Казанья“, а вторые — окказиональными); во-вторых, определить язык, на который ориентировался С. Зизаний в употреблении той или иной конкретной формы. Решение второй задачи представляется нам не только важным, но и интересным, поскольку С. Зизаний, будучи украинцем, был носителем украинского разговорного языка. В то же время он, безусловно, знал церковнославянский язык, так как был ректором Львовской братской школы [Анушкин, 1962, с. 103]. В 1593 г. он был приглашен Виленским братством для борьбы с готовившейся унией и, живя в Литве, безусловно, был знаком с местным диалектом белорусского языка. Ну а сам факт перевода „Казанья“ с польского языка свидетельствует о знании Зизанием этого языка. Таким образом, уже изначально можно предполагать, что С. Зизаний при создании текста на „простой мове“ мог черпать ресурсы из четырех языков: украинского, белорусского, польского и церковнославянского.

Как уже отмечалось, „Казанье“ было издано в 1596 г. в Вильне, в Братской типографии⁵. Полное название этой книги — „Казанье сго Кирилла патрярхы иерслимського о антихристу і знаках его, з розши-

³По-видимому, „Казанье св. Кирилла“ является второй такого рода книгой. Первый опыт издания параллельных текстов на „простой мове“ и польском языке также принадлежит С. Зизанию — это несохранившийся „Катахизис“, напечатанный в Вильне в 1595 г. (указание на существование этой книги содержится в брошюре „Planu Stephanka Zuzahiey Heretyka z serkwi Ruskiey wuklętego“, напечатанной в Вильне в 1596 г. с целью осуждения книги С. Зизания „Казанье св. Кирилла“) [Карский, 1921, с. 142; Архангельский, 1888, с. 113].

⁴О том, что перевод выполнялся именно с польского языка на „простую мову“, а не наоборот, свидетельствует как то, что в польском тексте имеются слова и выражения, отсутствующие в „русском“, так и то, что последний текст обнаруживает грамматическую и лексическую зависимость от польского текста, о чем подробнее будет сказано ниже.

⁵Интересно отметить, что в том же 1596 г. из Виленской Братской типографии вышли две книги брата Стефана Зизания — Лаврентия Зизания: „Грамматике словенска“ и „Лексис“, при этом в состав последней книги входит написанное Стефаном Зизанием „Изложение о православной вере“.

рением науки против ересей розъных. // Kazanie s. Cyrylla patryarchy Jerozolimskiego o antichryscie y znakoch iego, z rozszyrzeniem nauki przeciw heresyam roznyum". Текст набран параллельно (на отдельных листах) кириллическим и польским (готическим) шрифтами. Пагинация листов сделана отдельно для обоих текстов, при этом в кириллическом тексте пагинация буквенная. В основу книги положено 15-е огласительное поучение Кирилла, архиепископа иерусалимского (IV в.). Однако, как отмечают исследователи, С. Зизаний к „оглашению" Кирилла добавил настолько много собственных комментариев и рассуждений, что фактически это сочинение самого С. Зизания, направленное против латинян [Макарий, 1879, с. 642–643; Архангельский, 1888, с. 113]. Это сочинение С. Зизания дважды переиздавалось: в Москве в 1644 г. в составе сборника „Кириллова книга" и в 1906 г. К. Студинским [Студинский, 1906]. В своем исследовании мы пользовались оригинальным экземпляром этой книги, хранящимся в БАН ЛитССР (шифр: L – 16/5). Этот экземпляр дефектный: в нем нет начала (начинается с 11-го нумерованного листа), л. 41 и 44 (кириллических), л. 56 (польского), л. 102–107 (кириллических и польских). Таким образом, в этом экземпляре недостает 18-ти из 112 листов кириллического текста.

Всестороннему лингвистическому исследованию „Казанье" С. Зизания не подвергалось. А. И. Соболевский определил язык этого перевода как „западнорусский с массою полонизмов и кое-где со славянизмами" [Соболевский, 1980, с. 88], а С. Линде отметил, что у С. Зизания „оба языка почти везде сходны, разница состоит только в окончаниях слов, склонениях имен и спряжениях глаголов" [Карский, 1921, с. 42].

Действительно, зависимость „простой мовы" „Казанья" от польского языка бросается в глаза сразу же. Вот образец параллельных текстов на польском языке и „простой мове":

л. 73 Czekamy ż tedy y spodziwayamy sye pana z Nieba przychodzącego na obfokoch / trąby Anyelskie w ten czas zatrąbią / a ktorzy dla Chrystusa pomarli / pierwey powstaną zwieścieństwo u przymocyści przymuіаc / aby nad ludzie uczzone byli / ponieważ nad ludzie cierpliwość podigli / abowiem Paweł Apostoł pisze mowіаc: Iż sam Pan w roskazaniu głosu Archael. 73ob. // nyofa / y w trąbie Bożej znidzie z Nieba / y martwi dla Chrystusa powstaną pierwey / a potom my żywi pozostali wespol z nim pochwyeni będziem na obfokach spotykaіаc Pana na powietrzu / y tak zawždy będziem z Panem.

л. 74 Jdѣмо ж tedy y очекиваемо пна, з неба приходАчого на оболокох. Трѣбы агѣлскіи тогы затрѣбат. а которіе дла хѣ померли перше повстанѣт. звѣтаство оу приимости приимючи абы над човеки почтени были. поневаж над чѣлка терпливости принАли. абовѣм Павел агѣспъ пишеть. мовАчи. Иж сам Ѣ в росказане гoлос архангелового, и в трѣбѣ божой звиде з неба. а мертвыи ѡ хѣ встанѣт перше. потом же мы живы // л. 74об. и оставленыи веспол з ними всхитимсА на оболoцѣх. на спотыканіе на въздѣх. и так завжды з господем бѣдемо.

Приведенный фрагмент достаточно наглядно свидетельствует о том, что „проста мова“ С. Зизания в значительной степени полонизирована. Пожалуй, в наибольшей степени полонизация затронула лексику. Тем не менее следует учитывать, что лингвистический статус произведения определялся прежде всего его морфологическим строем, анализу которого (в области глагольных форм) и посвящено настоящее исследование.

Инфинитив в „Казаны“ представлен исключительно формами на *-ти* (*-чи*). С. Зизаний, таким образом, последовательно трансформирует польские формы на *-ć*, напр.: *przewrócić* → *превратити* (л. 23), *umrzeć* → *оумерети* (л. 28), *znać* → *знати* (л. 29об.), *być* → *быти* (л. 31об.), *wziąć* → *взяту* (л. 25об.), *korunować* → *корюновату* (л. 16). Инфинитив на *-tь/засвидетельствован* всего 2 раза (оба раза — с вынесенной над строкой буквой *t*): *pepесbtАжить/* (л. 23, конец строки) — *przewiężyć*; *зрадить/* (л. 24) — *zdradzić*. Регулярность замены С. Зизанием польских форм инфинитива на *-ć* формами на *-ти* свидетельствует о том, что переводчик ясно осознавал нормативность этих последних форм для „простой мовы“⁶. На какой язык он при этом ориентировался? Инфинитив на *-ти* (*-чи*) был характерен как для церковнославянского языка, так и для живой украинской речи. П. Житецкий, отмечавший, что инфинитив на *-ти* является формой столь же народной, как и церковнославянской, относил эту форму к числу признаков „простой мовы“, сближающих ее с церковнославянским языком и „малорусской“ речью [Житецкий, 1889, с. 68]. Следует, однако, учесть, что инфинитив на *-ти* был характерен для западнорусских авторов в той же степени, что и для малорусских, хотя в живом белорусском языке употреблялся инфинитив на *-[ц’]*, *-[ц’и]*. А. И. Журавский считает, что употребление инфинитива на *-ти* в „простой мове“ поддерживалось украинским языком [Журавский, 1967, с. 291].

Среди форм настоящего и простого будущего времени обращают на себя внимание формы 2 и 3 л. ед. ч. и 1 и 3 л. мн. ч. Во 2 л. ед. ч. регулярно употребляется форма на *-шь*: *видишь* (л. 85), *маєшь* (л. 83об.), *бгдєшь* (л. 83об.), *можєшь* (л. 23об.). Форма на *-ши* засвидетельствована всего дважды: *бгдєши* (л. 14об. и 100об.). Форма на *-шь* была характерна как для польского языка, так и для живых украинского и белорусского языков, поэтому решить вопрос о языке, на который в данном случае ориентировался С. Зизаний, трудно. Важно в данном случае то, что он явно отталкивался от церковнославянской формы на *-ши*. Отметим также, что форма 2 л. ед. ч. на *-шь* характерна и для других произведений на „простой мове“ [Карский, 1956, с. 253; Кедайтене, 1971, с. 14].

⁶О нормативности инфинитива на *-ти* для „простой мовы“ свидетельствуют наблюдения исследователей, отмечавших преобладание форм на *-ти* в произведениях западнорусских и южнорусских писателей XVI—XVII вв. [Житецкий, 1889, с. 68; Карский, 1956, с. 276 и др.]

В 3 л. ед. ч. засвидетельствованы три формы: на -ть, -ть и без -т. Что касается последней формы, то она встретилась 33 раза и является, по-видимому, полонизмом, напр.: *може* (л. 17) — *тоже, priiđe* (л. 18) — *przydzie, справае* (л. 23) — *sprawuie, пише* (л. 30) — *pisze, зрозумѣ* (л. 58) — *zrozumie*. Именно полонизмом считает подобные формы А. И. Журавский [Журавский, 1967, с. 290], а П. Житецкий отмечает, что формы без окончания в 3 л. ед. ч. были особенностью украинской простонародной речи и поэтому были отвергнуты малорусскими писателями XVII в. [Житецкий, 1889, с. 104]. Характерная для живой белорусской и украинской речи форма на -ть засвидетельствована 11 раз, из них 8 раз — у глагола *дати* и однокоренных — *дести* (л. 36, 51, 55 и др.), 2 раза — у глагола *исти* „есть“ — *исть* „ест“ (л. 92) и 1 раз — *ловбсть* (л. 54). Как видим, все эти глаголы — нетематические, и окончание -ть для них является нормой и в церковнославянском языке (см.: [Смотрицкий, 1619]).

Подавляющее большинство форм 3 л. ед. и мн. ч. представлено с окончанием -ть, при этом к их числу мы относим и формы с выносной ⁷, напр.: *припоминаеть* (л. 24 об.), *мовить* (л. 15 об.), *зржмачьеть* (л. 33), *маеть* (л. 15, 18). Формы на -ть были характерны для многих текстов на „простой мове“ [Карский, 1962, с. 497, 554]; А. И. Журавский считает их вариантом нормы (наряду с формами на -ть) и относит к церковнославянизмам [Журавский, 1967, с. 290–291].

В 1 л. мн. ч. засвидетельствованы в „Казань“ две формы: на -мъ (их подавляющее большинство) и -мо (27 примеров), напр.; *розмѣмъ* (л. 13), *оуфаем и зезволѣем* (л. 13 об.), *маем* (л. 27) — *вѣрѣмъ* (л. 16 об.), *мовимо* (л. 74), *бадемъ* (л. 74 об.). Окончание -мо, собственное украинской разговорной речи, вероятно, было чуждо белорусскому языку [Журавский, 1967; ср.: Житецкий, 1889, с. 132; Карский, 1956, с. 262]. Тем не менее формы на -мо встречаются наряду с формами на -мъ как в западнорусских, так и в южнорусских памятниках письменности [Карский, 1962, с. 554; Кедайтене, 1971, с. 14]. Формы на -мо являются, безусловно, диалектными, и для нас важно, что нормативными в „Казань“ являются все же формы на -мъ, характерные как для церковнославянского языка, так и для белорусской

⁷Следует отметить, что формы с выносной *т* в 3 л. ед. и мн. ч. преобладают в „Казань“. Учитывая то обстоятельство, что в текстах на „простой мове“ достаточно часто встречаются в 3 л. ед. и мн. ч. как формы на -ть, так и формы на -тъ, исследователи, как правило, формы с выносной *т* рассматривают особо. При этом, напр., Е. Ф. Карский предполагает, что за этими формами следует видеть *т* твердое [Карский, 1956, с. 259], а А. И. Журавский предлагает реконструировать эти формы исходя из того, каких в памятнике больше: на -тъ или на -ть [Журавский, 1967, с. 291]. Мы реконструируем формы с выносной *т* как -тъ на основании того, что в „Казань“ формы на -тъ засвидетельствованы только от нетематических глаголов, а также потому, что в этом памятнике часто встречаются предложения с двумя глаголами в 3 л. наст. вр., причем один из них — с выносной буквой *т*, а другой — с окончанием -тъ, напр.: „...а кто *маеть* оуши слыжати. нхъй *слжает*“ (ин. л. 14).

речи. Следует отметить, что полонизмы на *-мы* в „Казань” не засвидетельствованы.

Итак, подводя итоги анализа форм настоящего (простого будущего) времени в „Казань”, следует сделать вывод, что, во-первых, ни одна из форм не представлена равноправными вариантами, а засвидетельствована только или преимущественно с одним окончанием. Во-вторых, С. Зизаний отказывается от всего *спец и ф и ч е с к о г о*: как церковнославянского (от форм 2 л. ед. ч. на *-ши*) и польского (3 л. ед. ч. без окончания, 1 л. мн. ч. на *-мы*), так и диалектного (3 л. ед. и мн. ч. на *-ть*, 1 л. мн. ч. на *-мо*). В этой связи обращают на себя внимание формы настоящего времени от глагола *быти*, засвидетельствованные в польском оформлении: *кд естемъ* (л. 13, 14 и др.), *ты естесъ/ь* (л. 85 и др.), *он (она) есть* (л. 19, 20, 21 и др.). Последняя форма является очень распространенным полонизмом во многих текстах на „простой мове” [Карский, 1956, с. 259]. Церковнославянская форма 1 л. ед. ч. *есмь* отмечена 1 раз: „*наг есмь*” (л. 82об.). Употребление С. Зизанием полонизированных форм *естемъ* и *естесъ* мы объясняем трудностью перевода с польского языка конструкций с этим глаголом-связкой, поскольку в разговорной речи в этих конструкциях связка отсутствует. Дважды встретилась в „Казань” форма 3 л. мн. ч. *сэть* (л. 14, 20).

Формы прошедшего времени представлены в „Казань” почти исключительно специфическими польскими образованиями с личными окончаниями: в 1 л. ед. ч. *-емъ*, 2 л. ед. ч. *-есь*, 1 л. мн. ч. *-смы*⁸, 2 л. мн. ч. *-сте*, напр.: *доконалемъ* (л. 15об.) — *dokonafem*, *повблем* (л. 25об.) — *powiedziafem*; *стратилесъ/ь* (л. 15) — *stracitês*, *видблесъ* (л. 87) — *widziafês*; *дозналисмы* (л. 75об.) — *doznalismy*; *зналисче, слажулисче* (л. 22об.) — *znaliscie, sfażylicie*. Очень часто личные окончания — по образцу польского текста — присоединяются не к причастию на *-л*, а к союзу или местоимению, напр.: „*абым дармо не працюваль...*” (л. 23) — *‘abyt ... próżno nie pracowat’*, „*абысмы росли*” (л. 24) — *‘abytmy rosli’*, „*абысте ... не были детьми*” (л. 23об.) — *‘abyście... nie byli dziećmi’*. Такие полонизированные формы прошедшего времени были достаточно распространенными в текстах на „простой мове” [Журавский, 1967, с. 293; Карский, 1956, с. 285; Кедайтене, 1971, с. 14] и были кодифицированы в Грамматике И. Ужевича [Ужевич, 1970, л. 25]. Употребление полонизированных форм прошедшего времени в „простой мове” можно объяснить их аналогией с церковнославянским *п е р ф е к т о м* (к которому эти польские формы и восходят). В таком случае их можно рассматривать как книжные образования. Отклонения от нормы в „Казань” незначительны. Во-первых, это 7 случаев употребления в 1 и 2 л. ед. ч. и в 1 л. мн. ч. причастий на *-л* без личных окончаний. Однако во всех этих случаях на лицо указывает личное

⁸Д. И. Журавский считает окончание *-смы* в 1 л. мн. ч. редким явлением в „Казань” [Журавский, 1967, с. 293], уступающим окончанию *-смо*, которое на самом деле засвидетельствовано всего 1 раз: *досталисмо* (л. 93 об.).

местоимение, а в большинстве примеров личное окончание отсутствует и в польском тексте: „Гды речет ти хс, оного дня иж на тѣло твое *сбожил*, а ты мои дхъ в натурѣ створенѣ *сторгнѣл*...“ (л. 87) — “Gdyś rzeknie Chrystus onego dnia, że ja ciało twoje Boskie uczynił, a ty moją Duch w naturę stworzenia *stargniesz*”; „ци мы ли ... тое *вымыслили*, ци мы ли бозкие sprawy *оклеветали*“ (л. 87об.) — “Czyli *my* to *wymyśliłi*, czyli *my* Boskie sprawy *obetgali*”.

Во-вторых, засвидетельствовано несколько примеров, отражающих свойственное разговорным украинскому и белорусскому языкам произношение суффикса -л в причастии как [ў] и передающееся на письме буквой *в*, напр.: „оупевнѣсѣѣ и шловѣдал“ (л. 73об.) — “upewnił sye у orowiadał”, „гды хс Петра самого назвае сатаною“ (л. 31) — “gdy у samego Piotra Pan szatanem nazwał”, „кто ... пристѣпие до ворога хѣв...” (л. 50) — “kto przystąpił do nieprzyjaciela Chrystusowego ...”. Всего таких форм засвидетельствовано 29 (28 — в 3 л. ед. ч. и одна — в 1 л. ед. ч.). Подобные примеры, хотя и редко, встречаются и в других текстах на „простой мове“ [Карский, 1962, с. 550].

Столь же нехарактерными для системы глагольных форм прошедшего времени в „Казаны“ являются и 6 форм аориста (пять из них — в 3 л. ед. ч. и одна — во 2 л. мн. ч.). Эти формы засвидетельствованы преимущественно в библейских цитатах, а также при указании на цитирование, напр.: „Оустин сѣи ... пишет ..., шѣцъ сѣа родил и дхъ сѣго *произведе*“ (л. 60), „бѣъ шт шѣца *изыиде*, и дхъ сѣишл шѣца *исходит*“ (л. 60об.), „*гъ рече*“ (л. 86), „*рече* бѣ...” (л. 88).

Завершим анализ глагольных форм прошедшего времени в „Казаны“ указанием на то, что в этом памятнике засвидетельствовано также несколько полонизированных форм плюсквамперфекта, состоящих из причастия на -л с личными окончаниями и вспомогательного глагола *быль* (-а, -о, -и), напр.: *стратилсь был* (л. 15) — *straciłeś był*, *зебл был* (л. 63) — *zwiadł był*, *зпаклусѣ были* (нн. л. 15об.) — *złękli sye byli*. Такие образования известны и другим текстам на „простой мове“ [Карский, 1956, с. 286; Кедайтене, 1971, с. 14].

Формы сложного будущего времени засвидетельствованы в „Казаны“ исключительно с вспомогательным глаголом *быти*, напр.: *бадете слышати* (л. 24об.), *оучити бѣдешъ* (л. 83об.), *платкисѣ бадат* (л. 26). Эти формы были нормативными для многих текстов на „простой мове“ [Карский, 1962, с. 554; Кедайтене, 1971, с. 15], что существенным образом отличало „простую мову“ от литературного языка Московской Руси этого периода, в котором продолжали употребляться церковнославянские конструкции „имѣти + инфинитив“ и „хотѣти + инфинитив“ [Хабургаев, 1980, с. 181]. Хотя сложное будущее время „*быти* + инфинитив“ было известно живой белорусской речи, нормативный характер этой конструкции в „Казаны“ (а возможно, — и в „простой мове“ в целом), безусловно, поддерживался нормативностью этой конструкции в польском языке.

Засвидетельствованные в „Казаны“ формы слагательного

наклоения представлены исключительно полонизмами типа: *хотѣлбм почтиту* (л. 56об.) — *хсѣлѣбут розсѣіе, хотѣйбысѣ/не хотѣл* (л. 82) — *хсосубуѣ не хсѣлѣ, бысмы мѣлу* (л. 95) — *буѣту тѣлі*. Такие формы в языковом сознании С. Зизания могли быть аналогом церковнославянских аналитических форм сослагательного наклонения, т. е. могли расцениваться им как книжные формы.

Безусловный интерес представляют формы повелительного наклонения, засвидетельствованные в „Казань”. Во 2 л. ед. ч. употребляются формы на *-и* (преимущественно под ударением) и формы без окончания (в безударном положении), напр.: *веселѣсѣА* (л. 74об.), *вспоманѣ* (л. 74об.), *возмѣ* (л. 15), *помысли* (л. 79), но: *помысль* (л. 79), *штовѣж* (л. 55об.), *не мѣе* (л. 81об.), *не вѣрѣ* (л. 62об.). Обе формы встречаются одинаково часто, что весьма показательно, поскольку в польском тексте обеим формам соответствуют, как правило, формы без окончания, ср.: *wesel sye, wspomni, weź, pomysl, odpowiedz, nie tow, nie wierz*. Такое распределение форм во 2 л. ед. ч. в зависимости от ударения характерно и для живой украинской и белорусской речи.

Во 2 л. мн. ч. под ударением подавляющее большинство глаголов засвидетельствовано с суффиксом *-ѣ*, в том числе — глаголы III—IV классов, у которых в церковнославянском языке был суффикс *-и*, напр.: *смотрѣте* (л. 24об.), *выходѣте* (л. 25об.), *зберѣте* (ин. л. 14), *прійѣте* (л. 94об.). В безударном положении употребляются формы без суффикса, напр.: *не вѣрте* (л. 25об.), *встѣте* (л. 75об.), *остѣте* (ин. л. 14). Таким образом, в „Казань” наблюдается тенденция к унификации форм повелительного наклонения во 2 л. мн. ч. под ударением и, в отличие от всех живых восточнославянских языков, такой формой является форма с суффиксом *-ѣ*, а не *-и*. Отметим, что эта форма характерна и для других текстов на „простой мове” [Житецкий, 1889, с. 113, 135; Карский, 1962, с. 306, 487—488, 497]. Исследователи склонны видеть в этой унифицированной форме характерное для живого украинского языка произношение буквы *ѣ* как звука [и] и вызванное этим смешение букв *ѣ* и *и* [Карский, 1962, с. 487, 497; Житецкий, 1889, с. 113]. Однако это не объясняет того, почему в таком случае унифицированным суффиксом в письменности становится *-ѣ*, а не *-и*.

В 1 л. мн. ч. засвидетельствованы исключительно разговорные формы на *-мо*, которые в структурном отношении поддерживались польскими формами, напр.: *не жалѣймо* (л. 18об.) — *nie żaluуtu, смотрѣмо* (л. 36) — *patrzyu, мѣймо* (л. 70об.) — *mieуtu, postarajмосѣ* (л. 81об.) — *postarajму sye*. Такие формы характерны и для других произведений на „простой мове” [Житецкий, 1889, с. 135; Карский, 1956, с. 269]. Возможно, именно нормативным характером форм на *-мо* в 1 л. мн. ч. повелительного наклонения можно объяснить окказиональный характер этих форм в 1 л. мн. ч. настоящего времени.

В 3 л. ед. и мн. ч. засвидетельствованы только описательные формы

с разговорным словом *нехай*, которые поддерживаются аналогичными польскими формами, напр.: *нехай не сходит* (л. 25об.) — *niech nie schodzi*, *нехай слыхает* (нн. л. 14) — *niechay slycha*; *нехай бжжат* (л. 25) — *niech bieżą*. По-видимому, эта форма была нормативной для „простой мовы“, поскольку она отмечается в качестве единственной в 3 л. ед. и мн. ч. в большинстве произведений на „простой мове“ [Карский, 1956, с. 272; Кедайтене, 1971, с. 15].

Причастия настоящего времени засвидетельствованы в „Казань“ исключительно с суффиксами *-уч-, -юч-, -вч-, -Ач-*, напр.: *приходАчого* (л. 74), *маючій* (л. 75), *идячого* (л. 26), *мовАчого* (л. 19). Причастия с церковнославянскими суффиксами *-ущ-, -юш-, -ящ-* отмечены всего 4 раза, при этом всегда в одном ряду с причастиями на *-ч-*, напр.: *„ломеркаючого потемнѣвающого сѧ снѣца“* (л. 19), *„исходящого и пребываючого“* (л. 57об.). Следует отметить, что употребление причастий на *-ч-* было характерно для многих текстов на „простой мове“ [Карский, 1962, с. 554; Житецкий, 1889, с. 114; Кедайтене, 1971, с. 16]; при этом весьма показательно, что несмотря на то, что разговорные украинский и белорусский языки не знали причастий, авторы употребляют причастия, отталкиваясь при этом от церковнославянских форм на *-щ-*. А. И. Журавский связывает сам факт употребления причастий как самостоятельной грамматической категории с влиянием церковнославянского языка [Журавский, 1967, с. 294]. Думаем, что малорусские и западнорусские авторы употребляли эту категорию прежде всего как показатель к н и ж н о г о языка, характерный в том числе и для польского языка.

Отталкивание от церковнославянского языка наблюдается также в употреблении *С. Зизанием* деепричастий, которые засвидетельствованы в „Казань“ в двух формах: настоящего времени на *-учи-, -ючи-, -вчи-, -ячи* и прошедшего времени на *-вши* (очень редко *-е*). Как известно, в церковнославянском языке употреблялись так называемые согласованные причастия, имеющие разные формы в зависимости от рода и числа подлежащего [Смотрицкий, 1619]. В употреблении деепричастий, таким образом, *С. Зизаний* ориентировался на разговорный язык, что проявилось как в выборе суффикса, так и в несогласованном употреблении этих форм. Отметим, что эти деепричастия всегда поддерживаются деепричастиями польского текста, напр.: *потыкаючи* (л. 13об.) — *potykając*, *пишючи* (л. 15) — *pisząc*, *мовАчи* (л. 24об.) — *mówiąc*, *взАвши* (л. 13) — *wziąwszy*, *ячннвши* (л. 16об.) — *ouczyniw* (л. 98об.) — *uczyniwszy*. Такие же формы деепричастий употребляются и в других текстах на „простой мове“ [Карский, 1962, с. 554; Кедайтене, 1971, с. 17; Житецкий, 1889, с. 114–115].

Итак, анализ засвидетельствованных в „Казань“ глагольных форм позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, ни одна из глагольных форм не представлена в этом памятнике в качестве равноправных вариантов, а засвидетельствована исключительно или преимущественно в одном виде, что позволяет выделить следующие н о р м а

т и в н ы е для языка „Казанья“ глагольные формы: 1) инфинитив на *-ти*; 2) настоящее время: 2 л. ед. ч. на *-шь*, 3 л. ед. и мн. ч. на *-тъ*, 1 л. мн. ч. на *-мъ*; 3) прошедшее время: 1 л. ед. ч. *-емъ*, 2 л. ед. ч. *-есь*, 3 л. ед. ч. *-л (-ла, -ло)*, 1 л. мн. ч. *-смы*, 2 л. мн. ч. *-сте*; 4) повелительное наклонение: 2 л. ед. ч. *-и* (под ударением), *-ѣ* (без ударения); 2 л. мн. ч. *-ѣ* (под ударением), *-ѣ* (без ударения); 3 л. ед. и мн. ч. *-нехай* + 3 л. наст. вр.; 5) причастия наст. вр. на *-ч-*; 6) деепричастия: наст. вр. на *-чи*; прошед. вр. на *-вши*; 7) полонизированные формы сослагательного наклонения. Возможно, многие из этих форм были нормой не только для языка исследуемого памятника, поскольку, как уже отмечалось, они встречаются и в других текстах на „простой мове“. Исследование в этом аспекте новых произведений юго-западно-русской письменности XVI–XVII вв. позволит положительно решить вопрос о нормированности „простой мовы“.

Решение второй задачи настоящего исследования – выявление тех языков, на которые ориентировался С. Зизаний в употреблении каждой конкретной формы, представляется нам следующим. С. Зизаний, знавший четыре языка (укр., блр., польск., цсл.), старался избегать с п е щ и ф и ч е с к и х глагольных форм каждого из этих языков, а использовал в качестве нормы преимущественно формы, характерные для двух или трех языков, при этом польский язык часто „подсказывал“ ему ту или иную разговорную форму. Наши наблюдения можно обобщить следующим образом:

Церковнославянский язык	Наст. вр. 3 л. ед./мн. ч. <i>-тъ</i>
Польский язык	{ Наст. вр. глагола <i>быти</i>
	{ Прощ. вр. 1 и 2 л. ед./мн. ч.
Украинский + белорусский языки	{ Повелит. наклон. 2 л. ед. ч. <i>-и/ѣ</i>
	{ Дееприч. наст. вр. <i>-чи</i>
	Инфинитив <i>-ти</i>
Церковнославянский + украинский языки	
Церковнославянский + белорусский языки	Наст. вр. 1 л. мн. ч. <i>-мъ</i>
Польский + украинский языки	Повелит. наклон. 1 л. мн. ч. <i>-мо</i>
Польский + белорусский языки	Буд. вр. <i>быти</i> + инфинитив
Польский + украинский + белорусский языки	{ Наст. вр. 2 л. ед. ч. <i>-шь</i>
	{ Повелит. наклон. 3 л. ед./мн. ч. <i>нехай</i> +
	{ + 3 л. наст. вр.
	{ Дееприч. <i>-вши</i>

Помимо отмеченных выше нормативных глагольных форм следует назвать также причастия на *-уч-, -юч-, -ач-, -Ач-*, неизвестные разговорному языку как грамматическая категория и употребляемые С. Зизанием как специфически к н и ж н ы е формы, а также характерные для „простой мовы“ формы 2 л. мн. ч. повелительного наклонения с суффиксом *-ѣ* (под ударением), в которых можно усматривать либо отражение характерного для юго-западно-русской письменности смешения *ѣ* и *и*, либо – специфически книжную форму.

Таким образом, говоря о „простой мове“ как о языке, базирующемся на разговорной основе, ее не следует отождествлять с украинским

или белорусским языком. Язык этот, как и всякий литературный язык, во многом искусственный. При этом, как мы видели на примере анализа глагольных форм в „Казаньи“ С. Зизания, нормативными формами в нем являются обычно не специфические формы, а формы, совпадающие в нескольких языках. Мы анализировали один из крайних вариантов „простой мовы“ — текст, переведенный с польского языка, и могли убедиться в том, что специфических полонизмов среди глагольных форм в нем мало.

ON THE NORM OF THE SOUTH-WEST RUSSIA 16TH–17TH-CENTURY LITERARY LANGUAGE

E. TSELUNOVA

Summary

At the end of the 15th century in South-West Russia there appeared books written in the "prosta mova" (literary "simple" language), based on Ukrainian and Byelorussian dialects. One of the books of this kind is the "Kazanie of S. Kirill" (1596), translated from Polish by S. Zizany. The aim of the paper is to find out normative verbal forms in the "Kazanie" and to state the languages by which these forms were prompted to S. Zizany.

ЛИТЕРАТУРА

- Анушкин, 1962 — А н у ш к и н А. И. Во славном месте Виленском. М., 1962.
Архангельский, 1888 — Очерки из истории западнорусской литературы XVI–XVII вв. А. С. Архангельского. М., 1888.
Житецкий, 1889 — Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII и XVIII вв. П. Житецкого. Киев, 1889.
Журавский, 1967 — Ж у р а в с к и й А. І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Мінск: Навука і тэхніка, 1967. Т. 1.
Карский, 1921 — К а р с к и й Е. Ф. Старая западнорусская письменность // Белорусы. Пг., 1921. Т. 3. Вып. 2.
Карский, 1956 — К а р с к и й Е. Ф. Язык белорусского народа // Белорусы. Изд. 2-е. М.: АН СССР, 1956. Т. 2. Вып. 2.
Карский, 1962 — К а р с к и й Е. Ф. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М.: АН СССР, 1962.
Кедайтене, 1971 — К е д а й т е н е Е. И. Язык памятников полемической литературы Южной и Западной Руси (XVI–XVII вв.): Автореф. дис. д-ра филол. наук. М., 1971.
Макарий, 1879 — Архиепископ Макарий (Булгаков). История русской церкви. СПб., 1879. Т. 9.
Смотрицкий, 1619 — Мелетій Смотрицький. Граматика / Факсимильное издание Грамматики 1619 г. Київ, 1979.
Соболевский, 1980 — С о б о л е в с к и й А. И. История русского литературного языка. Л.: Наука, 1980.
Студинский, 1906 — Памятники полемичного письменства кінца XVI і поч. XVII в. / Видав Др. Кирилу Студинський. Львів, 1906. Т. 1.
Толстой, 1963 — Т о л с т о й Н. И. Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI–XVII в.) // Славянское языкознание: Докл. сов. делегации. V MCC. М.: АН СССР, 1963.

Ужевич, 1970 — Грамматика слов'янська і. Ужевича / Підготували до друку
І. К. Білодід, С. М. Кудрицький. Київ, 1970.

Успенский, 1983 — Успенский Б. А. Языковая ситуация Киевской Руси
и ее значение для истории русского литературного языка. М.: МГУ, 1983.

Хабургаев, 1980 — Хабургаев Г. А. Становление русского языка (Пособие
по исторической грамматике). М.: Высш. шк., 1980.

Вильнюсский государственный
университет им. В. Кепсукаса
Кафедра русского языка

Январь 1987